

Жун Гэ поймал на себе взгляды окружающих и, вспомнив, что только что сказал, мгновенно догадался, почему все так на него смотрят.

Очевидно, они решили, что он либо слишком наглый, раз позволяет себе такой тон с режиссером Чжаном, либо за его спиной стоит кто-то очень влиятельный.

А Жун Гэ просто считал, что Чжан Хуаньшань и Гун Линьюй — оба хуже некуда.

Два-три года назад они объединились, чтобы переписать сценарий и урезать роль Бай Юйли, а теперь, когда Бай Юйли снова оказался на коне, принялись обхаживать его и рассыпаться в комплиментах.

И ведь полдня подводили к этому, оказывается, лишь для того, чтобы пристроить Гун Линьюя в следующий проект, который инвестирует его босс.

Ну и наглость.

В повисшей тишине Цзян Чэньюэ, напротив, не выказал никакого недовольства, даже наоборот — казался вполне довольным. Он взял инициативу на себя:

— Насколько хорош актер, нужно судить по сценарию. Если Гун Линьюй заинтересован в этом сериале о боксе, пусть свяжется со съемочной группой для проб.

Он, не заботясь о чувствах собеседника, прямо озвучил истинную цель того.

Когда разговор заходит так далеко, это означает вежливый отказ.

Как инвестор, Цзян Чэньюэ всегда придерживался одного принципа кастинга: актер должен соответствовать образу и уметь вдохнуть жизнь в персонажа.

Остальное, включая популярность, вторично.

Чжан Хуаньшань, разумеется, не стал позволять ситуации накалиться. Услышав слова Цзян Чэньюэ, он улыбнулся и поддакнул:

— Верно, золото всегда блеснет.

Наглость какая, сам называет золотом, раз ему выгодно?

Жун Гэ едва сдержал усмешку. В этот момент его улыбка приобрела легкий оттенок дерзости, отчего окружающие, заметившие это, замерли, гадая, кто же на самом деле этот так называемый телохранитель господина Цзяна.

Заместитель режиссера Лю рядом превратился в бездушную машину для поедания риса: он методично орудовал палочками, а когда никто не смотрел, даже наложил себе вторую порцию. Видимо, утомился за день съемок.

А вот вокруг Цзян Чэньюэ суета: режиссер Чжан и другой помощник наперебой предлагали ему выпить.

Многие любят решать дела за столом, ожидая, пока собеседник захмелеет, чтобы вывести нужное — мол, если выпито достаточно, то и дело в шляпе.

Однако Цзян Чэньюэ был инвестором, которого не возьмешь застольной культурой. Когда

режиссер Чжан с командой предлагали ему выпить, он лишь символически пригубливал.

Жун Гэ только что на глазах у всех поставил режиссера на место, отказавшись пить, так что никто не решался заставлять его.

Неизвестно, сколько прошло времени, как Чжан Хуаньшань вдруг велел Гун Линьюю встать и подлить вина Цзян Чэньюэ.

Жун Гэ понятия не имел, насколько перспективен тот сериал, но Гун Линьюй весь вечер не сводил глаз с Цзян Чэньюэ. Он делал вид, будто никакой истории с переписанным сценарием не было, и, одарив того сияющей улыбкой, поднял бокал:

— Господин Цзян, хочу выпить за вас в благодарность за роль второго плана в сериале «Высший бессмертный». Спасибо за доверие ко мне и ко всей съемочной группе, благодаря которому мы можем здесь спокойно работать. Уверяю вас, «Высший бессмертный» оправдает все ваши ожидания.

Говорил он складно. Если бы Цзян Чэньюэ хотел проявить любезность, то, возможно, и выпил бы.

Но Цзян Чэньюэ уже достаточно выпил и не желал идти навстречу Гун Линьюю.

Он уже собирался отказаться, но Жун Гэ, стоявший рядом, уловил его намерение.

Жун Гэ решил, что боссу не по себе, и прошептал так, чтобы слышал только он:

— Замена в выпивке — девятьсот девяносто девять?

Цзян Чэньюэ промолчал, внезапно задумавшись: если бы тогда, много лет назад, Бай Юйли открыл дверь и увидел перед собой Жун Гэ, все сложилось бы иначе?

Жун Гэ, наверное, собрал бы слезы Бай Юйли бумажной салфеткой, заставил бы того расписаться на следах от слез и перепродал бы фанатам по восемьсот восемьдесят восемь юаней за штуку.

Под пристальным взглядом Жун Гэ Цзян Чэньюэ решительно отодвинул бокал, не давая к нему прикоснуться:

— Я решил больше не пить. Сегодня вечером у тебя не будет этого дополнительного заработка.

Жун Гэ не знал, о чем тот думал:

— ?

— Ты что, такой жадный?

Раз уж дополнительного дохода не предвидится, молодому господину Жун стало совсем скучно, и он мечтал лишь поскорее вернуться в отель.

Его босс, похоже, был позабавлен этой репликой, уголки его губ едва заметно дрогнули.

Гун Линьюй же, предложивший тост, решил, что Цзян Чэньюэ улыбнулся ему из симпатии, несмотря на отказ пить. Он был так польщен, что чуть не объявил себя исполнителем главной роли в следующем проекте.

Цзян Чэньюэ все понял, но промолчал, позволяя актеру тешить себя иллюзиями.

А вот Бай Юйли рядом, казалось, принял реакцию Цзян Чэньюэ за чистую монету. Он залпом осушил бокал, готовый вот-вот превратиться в юношу, роняющего жемчужные слезы.

После банкета Цзян Чэньюэ, ни капли не пьяный, увел Жун Гэ.

Жун Гэ обернулся и увидел, что Бай Юйли идет шатаясь, словно вычерчивая ногами магические символы на асфальте.

Днем на съемках он был воплощением небесной грации, а вечером — блуждающим призраком.

Хоть Жун Гэ и не был с ним знаком, но раз уж тот — его целевой объект, он заволновался, глядя на его походку.

А вдруг Бай Юйли во сне приблудится сюда и попытается поцеловать Цзян Чэньюэ? Тогда его бонус за работу улетучится.

— Господин Цзян, Бай Юйли совсем плох, может, мне помочь ему дойти? — спросил Жун Гэ.

Цзян Чэньюэ, не ожидавший от него такой доброты, кивнул:

— Иди.

У Бай Юйли были с собой помощники, но он так захмелел, что забыл позвонить им, а просто брел в сторону отеля. Впрочем, вокруг полно сотрудников съемочной группы, ничего страшного не случится.

Бай Юйли не ожидал, что Жун Гэ вдруг появится рядом и поддержит его под локоть, чтобы он не упал.

Это было подобно явлению спасителя, уводящего его из суеты мира в теплое убежище.

Бай Юйли невольно вспомнил сегодняшний вечер, как режиссер Чжан спрашивал Жун Гэ о работе Гун Линъюя, а тот, не стесняясь, ответил: Не следил, особо не запомнилось.

В тот момент ему безумно хотелось сказать Жун Гэ: Ты мой бог.

Сердце Бай Юйли дрожало от благодарности. Он медленно поднял голову, посмотрел на красивое лицо Жун Гэ, на его волевой подбородок и прошептал:

— Ты...

— М? — отозвался Жун Гэ.

— Ты правда хороший человек.

Жун Гэ без колебаний принял эту карточку хорошего парня и вдруг подумал, что можно воспользоваться опьянением актера.

— Верно, я и сам считаю себя хорошим. Говорят, добро всегда возвращается добром. Как думаешь отблагодарить меня?

Бай Юйли, подобно старой императрице, легонько похлопал Жун Гэ по руке и с глубоким, туманным взглядом произнес:

— Нет, ты так добр ко мне, как я могу тебя избить?

Жун Гэ:

— ...

Ну да, с пьяным говорить — только время тратить.

Жун Гэ без особых усилий довел Бай Юйли до Цзян Чэньюэ, заметив, что человек подшофе словно становится тяжелее.

Цзян Чэньюэ усмехнулся:

— А я уж думал, ты не станешь проявлять такую доброту, а просто позвонишь его помощникам.

Жун Гэ посмотрел на него взглядом, полным упрека: мол, нельзя было сказать раньше?

Цзян Чэньюэ:

— ...

Оказывается, он не то чтобы не хотел, он просто не догадался оставить Бай Юйли на месте дожидаться помощников.

Бай Юйли не напился до беспамятства, но впал в состояние лунатизма.

Жун Гэ поддерживал его, но Бай Юйли вдруг начал изображать выхватывание меча, нанося резкие удары по воздуху:

— Хо! Ха!

Жун Гэ, не дождавшись благодарности, еще и страдал от порывов ветра, из-за которых его мотало из стороны в сторону.

Он посмотрел на свою цель, потом на Цзян Чэньюэ, закрыл глаза и вздохнул:

— Все, хватит. Стой ровно. Я понял, что ты профессионал, прекращай свои хо-ха.

Ему и так было сложно придумать, как выполнить задание, а тут еще тащить этого «бессмертного» в отель.

Но слово «профессионал» задело Бай Юйли за живое. Он с воодушевлением снова взмахнул невидимым мечом:

— Я могу обойтись без дублера!

Ну конечно, заливай больше.

Сам же на съемках так ловко менялся с каскадером, а теперь утверждает, что не пользовался дублером.

Жун Гэ тут же разоблачил пьяницу:

— И во сне ты тоже без дублера обходишься?

Бай Юйли поднял голову, словно всерьез задумался.

Цзян Чэньюэ, глядя, как Жун Гэ издевается над пьяным, почувствовал, как начинает болеть голова. Он хотел было приказать Жун Гэ замолчать и скорее тащить человека в отель, как услышал, что Бай Юйли, проигнорировав вопрос, тихо пробормотал:

— Я больше не хочу использовать дублеров в боевых сценах.

Оба посмотрели на него.

Жун Гэ вспомнил разговоры за ужином и догадался, почему Бай Юйли вдруг заговорил об этом. Приподняв бровь, он спросил:

— Почему не хочешь? Потому что Гун Линьюй не пользуется дублером, и ты хочешь быть как он?

Тон Жун Гэ был таким же небрежным, но Цзян Чэньюэ уловил в нем нотки, отличные от обычных шуточек.

Он не ожидал, что слова режиссера Чжана так задели Жун Гэ.

Бай Юйли, медленно соображая, то ли кивнул, то ли покачал головой.

Режиссер хвалил Гун Линьюя за то, что тот сам выполняет трюки.

Он немного завидовал, но это не главное. Важнее было то, что ради искусства он хотел сам практиковать боевые сцены.

Жун Гэ небрежно спросил:

— Раз хочешь, почему не попробуешь?

Бай Юйли ответил честно:

— Я хотел учиться у постановщика трюков, но режиссер Чжан сказал, что нет времени, и велел использовать дублера. Кроме самых простых сцен.

Этот Бай Юйли, стоит ему выпить, как он сразу выкладывает всю правду. Если бы папарацци напоили его, заголовки газет были бы обеспечены.

Жун Гэ сказал:

— Мало ли что он там хвалит, зачем ты пытаешься с ним соревноваться? Он тренированный, а у тебя нет базы, как ты с ним сравнишься?

Хотя режиссер странный: обычно режиссеры любят, когда актеры сами выполняют трюки, а Чжан Хуаньшань сразу гонится за эффективностью, не давая главному герою даже попробовать.

Ведь если во всех сценах дублер, то в итоге получается нарезка кадров, где не видно лица, а

все эффектные моменты превращаются в короткие фрагменты.

Бай Юйли, видимо, совсем захмелел, мысли путались, он не ответил и продолжал шататься вперед.

Использование дублера в сериалах не означает непрофессионализм, ведь у большинства актеров нет базы. Но если актер может сам выполнять сложные сцены, это вызывает уважение.

Жун Гэ понимал чувства Бай Юйли. Проблема лишь в том, что без подготовки ничего не выйдет.

Прошло довольно много времени, и Жун Гэ уже собирался довести его до отеля и закончить с этим, как вдруг услышал от маленького карпа:

— Кто сказал, что у меня нет базы? Я раньше танцами занимался.

У актеров с хорошей танцевальной базой боевые сцены всегда получаются лучше.

Сказав это, он оттолкнул Жун Гэ и рванул вперед, пошатываясь из стороны в сторону:

— Не веришь? Сейчас станцую!

Жун Гэ не успел его схватить. Многие сотрудники съемочной группы и туристы начали оборачиваться, а кто-то даже достал телефоны, чтобы снимать!

Бай Юйли же, словно страдающий социальной гиперреактивностью под градусом, с девятью долями опьянения начал исполнять пьяный кулак, да так, что Жун Гэ не мог его догнать, а Цзян Чэньюэ и не пытался.

На полпути Бай Юйли чуть не врезался в Жун Гэ и с серьезным лицом оттолкнул его:

— Продолжать музыку, продолжать танцы!

Проходящий мимо турист, не знавший, что это звезда, зааплодировал:

— Браво!

Жун Гэ:

— ...

— Босс, ваш поклонник — уникал, сплошной талант.

Цзян Чэньюэ:

— ...

— Я и сам не ожидал, что он такой безумный.

Бай Юйли, хоть и был пьян, но, видимо, действительно хотел показать свои танцевальные навыки. В своем хмельном сне он двигался удивительно гибко. Другие пьяные просто шатаются, а этот способен сделать мостик.

Глядя на Бай Юйли издалека, Жун Гэ понял, что у того действительно есть задатки. И он явно

очень переживает из-за слов режиссера Чжана.

В голове Жун Гэ созрел план.

Вскоре Бай Юйли остановился под деревом и, обернувшись, радостно спросил Цзян Чэньюэ:

— Ну как, я хорошо танцую?

Жун Гэ рефлекторно встал перед Цзян Чэньюэ.

Весь его вид выражал одно слово: профессионализм.

Он уже все решил и, не дожидаясь ответа Цзян Чэньюэ, осыпал Бай Юйли комплиментами:

— Да что там, танец просто отличный! Легкий, как лебедь, грациозный, как дракон! В боевых сценах «Высшего бессмертного» без тебя я смотреть не буду!

Тон был точь-в-точь как при вымогательстве оплаты за переработку.

У Цзян Чэньюэ возникло нехорошее предчувствие:

— Жун Гэ, что ты задумал?

Жун Гэ наклонился к нему и прошептал четыре слова:

— Подзаработать немного денег.

Затем он повернулся к Бай Юйли и невозмутимо начал вешать лапшу на уши:

— Бай Юйли, с твоим уровнем, если найти хорошего наставника по боевым искусствам, ты вполне сможешь сам сниматься в сценах драк. И этим наставником могу стать я.

Боевые сцены в таких дорамах не требуют сверхъестественных навыков, и многие танцоры, немного поучившись, справляются сами.

Жун Гэ, помимо прочего, имел неплохую базу, иначе не рискнул бы наниматься телохранителем к Цзян Чэньюэ. Его с детства тренировал Жун Югань, в спортивной школе он возглавлял секцию саньда, а на каникулах даже подрабатывал дублером. Стоило ему взглянуть на сценарий, и он точно смог бы чему-то научить Бай Юйли.

— Ты? — Бай Юйли опешил, голова кружилась, он не успел сообразить, о чем речь, как услышал:

— За урок много не возьму...

Цзян Чэньюэ внезапно протянул руку из-за спины и зажал Жун Гэ рот.

Жун Гэ посмотрел на него, увернулся и понизил голос:

— Зачем мешаешь?

— Тебе и эти деньги нужны? — спросил Цзян Чэньюэ.

— А что, нельзя? — ответил Жун Гэ. — Раз уж ты меня представил, поделюсь с тобой половиной?

Цзян Чэньюэ:

— ...

Ну и коммерческий гений.

<http://bllate.org/book/18681/1805144>